

ЧЕСТЕР С. ЧАРД

ПРОИСХОЖДЕНИЕ ХОЗЯЙСТВА МОРСКИХ ОХОТНИКОВ СЕВЕРНОЙ ЧАСТИ ТИХОГО ОКЕАНА

Северное побережье Тихого океана от Калифорнии до Японии в доколониальный период характеризовалось некоторыми общими культурными традициями и образом жизни, экономической основой которого был морской промысел, главным образом охота на морских животных. Лишь в некоторых районах благодаря изобилию рыбы в период ее сезонных миграций на первое место выдвигалась рыбная ловля, которая давала населению возможность легко прокормиться. Истоки этого ясно выраженного приморского уклада жизни, являющегося одним из ярких примеров культурной и экологической адаптации человека, представляют значительный интерес. Хотелось бы знать, когда, где и почему сложился этот уклад, а также историю связанных с ним культурных традиций.

Когда говорят о ранних пластах приморской культуры в северной части Тихого океана, обычно имеют в виду прежде всего район Берингова пролива и о-в Святого Лаврентия, где наблюдался наивысший расцвет этой культуры. Однако в этом районе ее первая стадия (Оквик I) относится к чрезвычайно позднему времени, примерно к середине первого тысячелетия нашей эры (по недавно опубликованной дате, установленной радиоуглеродным анализом). Нам не известны никакие местные культуры, предшествующие этой хорошо сложившейся культуре морских охотников. Остается признать, что или она была принесена извне, или нам еще не удалось найти в этом районе первые стадии приспособления к приморскому типу хозяйства, основанному на охоте на тюленей и китов. Как показал Гиддингс¹, для района Берингова моря характерно местное, региональное культурное развитие; безусловно, нельзя исключить возможность существования необнаруженных предшествующих пластов на о-ве Святого Лаврентия и вблизи него. Однако пока не произведены дальнейшие раскопки, следовало бы серьезно подумать о другом, не менее вероятном решении этого вопроса и рассмотреть, в каких еще схожих районах обнаруживаются признаки существования в значительно более ранний период хозяйства морских охотников — хозяйства, которое впоследствии могло бы быть перенесено в весьма благоприятные условия области Берингова пролива и привело бы к возникновению там крупного очага культуры.

Тейлор² определяет культуры Чорис и Нортон (на северном и южном побережье пролива) как начальные стадии эскимосской традиции «Инука», предшествующие культуре Оквик, и как источник первоначального эскимосского элемента в Дорсете. Хотя типологически эти две культуры обнаруживают известное сходство, культура Нортон принад-

¹ I. L. Giddings, The Archeology of Bering Strait, «Current Anthropology», Chicago, 1960, т. I, № 2, стр. 121—138.

² W. E. Taylor, Review and Assessment of the Dorset Problem, «Anthropologica», Ottawa, 1959, нов. сер., т. I, № 1—2, стр. 24—46.

лежит к более позднему периоду, непосредственно предшествующему культуре Оквик или даже частично перекрывающему ее новую датировку. Культура Чорис, с другой стороны, возможно, уходит вглубь до 1000 г. до н. э. Хотя эта культура, несомненно, является более древней, чем культура Оквик, и, таким образом, может быть той предшествующей культурой, которую мы пытаемся обнаружить, культура Чорис не ориентирована в полной мере на морской промысел. Ее население, по-видимому, предпочитало охоту на морских животных охоту на карибу; их поворотные гарпуны весьма примитивны, хотя имелись хорошие дротики для охоты на тюленей. Следует также отметить, что у них было слабо развито искусство.

Новые находки у мыса Крузенштерна, на полпути между Чорисом и мысом Хоп, тем не менее позволяют предположить существование более древнего пласта культуры морских охотников во всем этом районе. Здесь обнаружены очевидные доказательства зависимости населения от охоты на тюленей и китов, хотя мало определенных данных о том, как она велась. Отличительная черта этого пласта — гарпунный наконечник с боковыми зубцами; эта, как и другие особенности кремневой индустрии, обнаруживают мало преемственных связей с культурой Оквик и другими, более поздними приморскими находками.

Помимо этого исключения имеется мало свидетельств важности морского промысла для американского побережья Берингова пролива до периода культуры Бирнирк (около 500 г. н. э.). На первый взгляд это может показаться доказательством в пользу большей вероятности азиатского происхождения культуры Оквик, поскольку она хорошо представлена на сибирском побережье, хотя более древние пласты там пока не обнаружены. Конечно, следует помнить, что в этом районе полевые работы не производились в широком масштабе, и неизвестно, какие открытия ожидают нас в будущем (по аналогии с Аляской). Возможно, также, что корни культуры Оквик и ее хозяйственно-го уклада могут находиться в более южных или западных районах Азии, т. е. на ее тихоокеанском или арктическом побережье. Эту точку зрения часто выдвигают советские и западные ученые.

Поэтому рассмотрим столь часто упоминаемую возможность азиатского происхождения приморской культурной традиции Берингова пролива. Она предполагает наличие свидетельства о существовании в смежных районах группы или групп населения, имевших морское промысловое хозяйство, т. е. обладавших хорошими лодками и гарпунами, причем пищу населения в значительной степени должны были составлять продукты охоты на морских животных; культура этих людей должна иметь хорошо выраженное сходство с культурой Оквик и существовать в период, значительно ей предшествующий. В соответствии с современной датировкой расцвет этой культуры должен был бы наблюдаться не позже начала нашей эры и скорее всего в первом тысячелетии до нашей эры или еще на тысячу лет раньше (если придерживаться условной датировки культуры Оквик).

Автором настоящей статьи недавно было установлено³, что большая часть полярного побережья Азии непригодна для морского промысла и имеет мало следов деятельности человека. Более того, найденные там памятники эскимосской культуры по мере продвижения к западу от Берингова пролива обнаруживают принадлежность ко все более поздним периодам и по прохождении примерно 850 миль совершенно исчезают. Очевидно, здесь мы не находим ответа на наши вопросы.

Другой смежный район — северная часть тихоокеанского побережья Азии. Здесь памятники классического эскимосского типа обнаружива-

³ Ch. S. Chard, The Western Roots of Eskimo Culture, «Actas del XXXIII Congreso Internacional de Americanistas», San-Jose, 1959, т. II, стр. 81—87.

ются только до северного берега Анадырского залива. Далее простирается одна из наименее изученных с археологической точки зрения частей Сибири. За исключением стоянки Канчалан в устье р. Анадырь, которая, несомненно, относится к нашей эре, мы не обнаруживаем следов древних культур до самой Камчатки. Здесь их довольно много, но все они сравнительно позднего времени и явно не связаны с хозяйством морских охотников. К западу и к югу от Камчатки на побережье материка мы опять ничего не находим, за исключением района Магадана, где обнаружена приморская культура с китобойными гарпунами, которая, однако, существовала в сравнительно недавнее время. Считается, что более ранний пласт, представленный скоплениями раковин, напоминает алеутские находки: здесь не обнаружено поворотных гарпунов, керамики и землянок; однако дальнейшие подробности нам не известны, а данные для датировки отсутствуют. Следующие находки на побережье — в районе Владивостока. Здесь древнейшие обнаруженные пласты представляют неолитическую культуру сухопутных охотников и рыболовов, расцвет которой относится примерно к 1600—1100 гг. до н. э. (характерный пример — стоянка Зайсановка I). За ней следует культура раковинных куч, которая существовала примерно до 200 г. до н. э. Эта культура связана с прибрежной системой хозяйства собирателей продуктов моря и скотоводов (разводили главным образом свиней); охота на сухопутных животных играла второстепенную роль. У нас нет убедительных доказательств существования охоты на морских животных, хотя Окладников энергично отстаивает противоположную точку зрения. В расположенной далее к югу Корее также отсутствуют указания на существование древних приморских хозяйственных укладов.

Остается рассмотреть острова Японского архипелага и его северное продолжение — Курильские острова и Сахалин.

Древнейшие пласты на Сахалине, обнаруженные недавними полевыми работами советских ученых, представляют неолитическую культуру землянок, ориентированную на внутреннюю часть острова. За нею следует высоко развитая культура морских охотников, характеризующаяся наличием поворотных гарпунов и значительным количеством тюленьих костей в раковинных кучах. Типологическое сравнение с культурами материков Азии позволяет датировать эту культуру последними веками до нашей эры и первыми веками нашей эры. Иными словами, для нас она не является достаточно древней. Гарпуны, которые, по-видимому, связаны с этой культурой, имеют черты сходства с гарпунами Берингова пролива и других районов, но всегда с более поздними их типами, за исключением любопытных параллелей с культурой Дорсет. Возможно, что гарпуны — поздний пережиток дорсетских форм в районе, который являлся окраинным по отношению к основной области их распространения. Следует отметить, что на юго-западе Аляски аналогии культуре Дорсет относятся к еще более раннему периоду.

Приморский культурный комплекс на Сахалине соответствует так называемой Охотской культуре на севере о-ва Хоккайдо, которая сохранилась там до 1000 г. н. э. или до еще более позднего времени и распространилась оттуда на северо-восток через Курильские острова, не достигнув Камчатки. Эта культура является также древнейшим комплексом морского охотничьего хозяйства в указанных районах. Ее носители, представленные черепами из культуры раковинных куч Мойоро близ Абасири, несомненно, являлись северным народом. Даже такие компетентные наблюдатели, как К. С. Кун, считают их очень близкими по типу к эскимосам.

Вся археологическая картина говорит о приходе на Сахалин в последние века до нашей эры арктической или субарктической примор-

ской группы населения, которая впервые принесла сюда хозяйство морских охотников. Культура этих пришельцев слилась с предшествовавшей местной неолитической культурой и заимствовала у нее сравнительно развитую керамику, совершенно не известную на севере и возникшую на соседнем материке. Затем пришельцы распространились по северо-западной оконечности Хоккайдо, по всему северному побережью этого острова и на Курильских островах, где их культура сохранилась еще во втором тысячелетии нашей эры и была вытеснена культурой айнов. Происхождение этой северной группы населения до сих пор загадка: можно ли выводить их происхождение от эскимосов Берингова моря или они распространились из какого-то еще не обнаруженного центра в районе Охотского моря? Еще раньше приводились доказательства того, что вдоль тихоокеанского побережья Северо-Восточной Азии существовал древнеэскимосский субстрат, подобно субстрату, установленному Дракером для северо-западного побережья Америки⁴.

И все же мы приходим к выводу, что приморская культура на крайнем севере Японии не является достаточно древней, чтобы служить источником культуры Оквик. Более того, все говорит о том, что это была чужеродная культура пришельцев с севера.

С другой стороны, есть немало доказательств в пользу того, что охота на морского зверя существовала и в более южных районах Японии — в северной части Хонсю, главного острова Японского архипелага, где она приобрела ведущее значение около 1100 г. н. э. и процветала в последующие столетия. Это связано с появлением составных гарпунов как с зазубринами, так и с поворотными наконечниками, обнаруживающих отдельные черты сходства с различными эскимосскими формами. Однако в деталях эти сходные черты недостаточно убедительно группируются по времени и месту. Более того, преобладают коренные различия. Есть также убедительные данные о существовании хозяйства морских охотников на одной из стоянок на крайнем юге Хоккайдо и некоторые указания на наличие такого хозяйства на других стоянках поблизости. По-видимому, эти находки относятся к более раннему периоду (возможно, к 2500 г. до н. э.), но принадлежат к общей культурной традиции Хонсю. Отсюда можно сделать вывод, что, хотя здесь налицо необходимая древность по времени, сходство культур недостаточно для того, чтобы установить какую-либо историческую связь. К тому же нет доказательств, что эта традиция севера Хонсю когда-либо распространялась хотя бы на непосредственно прилегающие районы — север Хоккайдо и Сахалин. Утверждать, что она была перенесена в далекое Берингово море, означало бы слишком много принять на веру. Таким образом, по современным данным, азиатское происхождение культуры Оквик представляется маловероятным.

Перейдем к рассмотрению малоисследованной гипотезы о том, что корни культурной традиции Берингова пролива следует искать в ином направлении — на юго-западе Аляски, в районе, лингвистически родственном с о-вом Святого Лаврентия. В настоящее время имеются некоторые свидетельства о существовании здесь или влияния на этот район раннеоквикской культуры (декорированное орудие из кости, найденное в Чалитмиуте и недавно описанное Коллинсом⁵). Даже помимо этого, географическая близость упомянутых районов убедительно говорит в пользу юго-западной Аляски, против более отдаленных районов. В сво-

⁴ Ch. S. Chard, Northwest Coast — Northeast Asiatic Similarities: A New Hypothesis, «Selected Works of the V International Congress for Anthropology and Ethnography», Philadelphia, 1960, стр. 235—240.

⁵ H. B. Collins, An Okvik Artifact from Southwest Alaska, «Polar Notes», Hannover, 1959, № 1, стр. 13—27.

ей работе, посвященной острову Умнак, Лафлин показывает, что приморская культура, по существу сходная с культурой современных алеутов, вполне сложилась там к 1000 г. до н. э. Эта датировка и тип культуры подтверждаются неопубликованными раскопками Сполдинга и Ларсена. Сомнения, высказанные де Лагуна⁶, необусловлены. Эти древнейшие алеутские пласты, представляющие хозяйство морских охотников, уже обнаруживают четкую специализацию. Им должны были предшествовать более ранние стадии. Поскольку общепризнано, что население островов пришло с соседнего материка (с п-ова Аляска, из района Бристольского залива), можно ожидать, что здесь будут обнаружены эти предполагаемые предшествующие слои, относящиеся ко II тысячелетию до н. э. Древность приморского хозяйственного уклада на юго-западе Аляски подтверждается датировкой стоянки Качемак I у залива Кук Инлет (747 г. до н. э.), поскольку вряд ли правдоподобно, что эта стоянка является самым первым поселением человека на тихоокеанском побережье Аляски.

В то же время мы должны исследовать смежные районы, чтобы убедиться в отсутствии в каком-либо другом месте еще более древних корней приморского хозяйственного уклада, характерного для северной части Тихого океана. Дракер убедительно показал, что северная часть северо-западного побережья Америки могла быть заселена лишь народом, который был уже хорошо приспособлен к жизни у моря; археологические данные для этого района не дают указаний на значительную древность стоянок. Однако на юге северо-западного побережья, в нижнем течении р. Фрезер, Борден обнаружил древнюю приморскую культурную традицию, имеющую ряд аналогий с эскимосской и датируемую примерно 475 г. до н. э. Эти аналогии и относительная датировка в сопоставлении со стоянкой у Кук Инлет и Алеутскими островами четко свидетельствуют о распространении культуры из упомянутого района к югу. Это согласуется с гипотезой Дракера о том, что древняя культура северо-западного побережья Америки сложилась на базе эскимосских культур. Автор данной статьи полностью согласен с этой гипотезой. Сравнительно поздняя датировка стоянок на побережье Орегона делает поиски истоков приморской культуры в этом направлении бесцельными.

Подводя итоги, отметим, что в свете современных данных наиболее вероятным очагом возникновения типа приморского хозяйства, в северной части Тихого океана является район Бристольского залива (Аляска). Он обладает также благоприятными условиями для приспособления жизни человека к морю. Отсюда хозяйственный уклад морских охотников мог распространиться в более суровые северные области, где вряд ли могло произойти первоначальное приспособление. Лингвистические данные говорят также о том, что этот район — родина эскимосов. В наши дни здесь сосредоточена основная часть всего эскимосского населения — факт, который часто упускают из вида. Отдельный очаг с ограниченной сферой влияния, очевидно, существовал на главном из Японских островов; однако он, по-видимому, не имел большого влияния на культуру северной части Тихого океана.

В заключение мы выдвигаем следующую гипотезу: приморский уклад жизни, связанный с обобщенной эскимосской культурной традицией, возник на юго-западе Аляски около 2000 г. до н. э. В течение последнего тысячелетия до н. э. этот уклад прошел стадию динамической экспансии, вызванной неизвестными причинами, возможно, в результате интенсивного расселения, как предполагает Лафлин, и распространился на север, к Берингову проливу и далее, и на юг, вдоль берегов север-

⁶ F. De Laguna, Chugach Prehistory, Seattle, 1956.

ной части Тихого океана, он достиг о-ва Хоккайдо, с одной стороны, и залива Пьюджет Саунд, с другой, и заложил основы для последующего культурного развития всей этой территории. Наличие ряда общих культурных черт в северной части Тихого океана легче всего поддается объяснению на основе выдвинутой нами гипотезы. При этом могла возникнуть непрерывная цепь, через которую азиатские влияния (например, художественные мотивы Шан Чжоу) могли проникнуть на Аляску и на северо-западное побережье Америки. Далее, вполне вероятно, что так называемые эскимосские элементы культуры Дорсет были вовлечены в экспансию, распространяясь к востоку от Берингова пролива через полярные области Америки, а также на юго-запад, на Сахалин. Однако продвижение на запад вдоль полярного побережья Азии было ограничено экологическими факторами.

Таким образом, мы можем представить себе хотя бы основные контуры этого важного культурно-исторического явления. Дальнейшие полевые работы или подтвердят нашу гипотезу, или смогут дать более удачное объяснение наблюдаемым фактам.

SUMMARY

Analysing the ancient roots of the Eskimos' economic pattern, the author has reached the conclusion that the centre where the maritime pattern of economy of the North Pacific took shape was most likely the Bristol Bay area (Alaska), possessing a highly favourable natural setting for the initial adjustment of man to a pattern of life based on sea hunting. Linguistic data indicate that this area was the Eskimo homeland.

According to the author's hypothesis, the maritime pattern of economy, involving a generalized Eskimoid cultural tradition, originated in the southwestern part of Alaska around 2000 B. C. In the course of the 1st millennium B. C., prompted by unknown causes, it spread intensively to the north, to the Bering Strait and further, and to the south, along the northern Pacific shores — reaching Hokkaido, on one side, and Puget Sound, on the other; this economic pattern provided the foundation for the subsequent cultural development of the entire area. The so-called Eskimo elements of the Dorset culture were quite likely to be involved in this expansion, spreading east of the Bering Strait throughout the polar regions of the North American continent and also southwest, to Sakhalin. Their westward progress along the arctic shore of Asia, was, however, checked by ecological factors.